

The discussion will finish with conclusions about *overreading*, by which is meant an ideological appropriation of literature, where a text functions as a vehicle for exploring political and moral questions that seem most urgent to the audience, and further speculation about how tragedies may give us tools for thinking.

Никитская Е. И.
(Киев)

ОБРАЗЫ И МОТИВЫ ШУМЕРО-АККАДСКОЙ МИФОЛОГИИ В «ПОЭМЕ НАЧАЛА» Н. ГУМИЛЕВА

Среди источников, повлиявших на художественный мир «Поэмы начала», особое место занимает мифология и литература Двуречья. В частности, важным текстом для интерпретации данной поэмы является вавилонский космогонический эпос «Энума элиш» [4; с. 359]. Об особенностях этого и других памятников месопотамской литературы Гумилёв узнавал в ходе общения с В. Шилейко, а также при работе с французским переводом «Эпоса о Гильгамеше» Поля Дорма, содержащем множество комментариев о шумеро-аккадской мифологии.

История похода Морадиты к дракону коррелирует с историей о подвиге вавилонского бога Мардука, победившего хтоническую богиню Тиамат. Мардук и Морадита имеют много общего – начиная от созвучности имен и схожего облика и заканчивая небесной символикой: Мардук был рождён в небесных чертогах, Морадита восходит в «голубую кумирню по открытой тропе небес» [3; с. 124].

Тиамат в вавилонской мифологии является воплощением мировых солёных вод или бездны, но также встречаются уподобления её дракону. В частности, она отождествлялась с созвездием дракона известным вавилонским астрономам. Образ дракона у Н. Гумилева также связывается с астральными символами, что подтверждается и в набросках второй песни поэмы, где дракон поднимается в небо и занимает своё место среди других созвездий.

Одна из ключевых тем «Поэмы начала» – манифестация исключительной силы слова [2]. В месопотамской мифологии утверждение о силе слова и акцент на его способности трансформировать Вселенную встречается довольно часто, особенно космогонических текстах. В одной из молитв Мардуку в переводе Владимира Шилейко есть слова «Ты простер над землею и небом свое слово, как горнюю сеть» [1; с. 231]. Эпизод, где описывается сила слова Мардука, есть и в «Энума Элиш»: бог проверяет силу своего слова на звезде, которая исчезает и появляется по его приказу. В «Поэме начала» произнесенное заклинание не

является первым и единственным способом воздействия на дракона – Морадита сначала рисует знак на песке, а произнести «запрещенное слово Ом» вслух он вынужден, поскольку дракон отказывается передавать знание. И так же, как и в вавилонском эпосе, именно звучащее слово влияет на небесные светила.

Наконец, ещё один мифологический мотив, который присутствует в «Поэме начала» – это мотив гибели старого, изначального, мира и зарождение нового. Он реализуется, главным образом, в набросках второй песни поэмы. Этих набросков второй песни всего четыре, и они разнятся, но в каждом, так или иначе, присутствуют картины хаоса, сопровождающего рождение нового мира.

Это характерные для позднего творчества Гумилёва образы страшных, губительных светил и носящихся планет. Описания гибнущего и перерождающегося мира коррелируют с эпизодом гибели Тиамат. Одолев её, Мардук создаёт из её тела небо, землю и реки. Аналогичные образы Гумилёв создаёт в своих набросках: в некоторых вариантах дракон поднимается в небо к звездам, в некоторых – становится земной корою. что отсылает к эпизодам, где из частей тела поверженной Тиамат появляются горы и гряды холмов. После сражения Мардук также располагает небесные светила и созвездия в нужном порядке, определив каждому из дружественных богов свою обитель. У Гумилёва в ещё формирующемся космосе среди сталкивающихся миров «плыл на каждой звезде наездник / Лебедь, Дева, Телец и Лев», в другой версии – «Лев иль Дева иль Скорпион» – то есть каждая звезда закрепляется за определенным существом.

Таким образом, в «Поэме начала» подробно воспроизводится процесс гибели старого мира, воплощённого в образе дряхлеющего дракона и создание нового, гармоничного мира. В творчестве Н. Гумилёва этот процесс часто сопрягается с духовной эволюцией человека. Герой «Поэмы начала» воплощает эту эволюцию и будущую эпоху, когда лидерами человечества будут визионеры и духовидцы. Опираясь на шумеро-аккадскую мифологию, Гумилёв создаёт свою собственную космогонию, реализуя в ней важные для себя мотивы силы слова и духовного роста.

Литература

1. Ассирио-вавилонский эпос. Пер. В.К. Шилейко. СПб: Наука, 2007, 660 с.
2. Греем Ш. Гумилев и примитив [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gumilev.ru/about/20>
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений В 10 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 2001. 394 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н. С. Гумилёва). Взгляд: Критика. Полемика. Публикации (сборник). М.: Советский писатель, 1988. С. 336–363.